

УДК 811.511.131

Д. А. Ефремов

ПОСЛЕЛОГИ В УДМУРТСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Лингвисты-удмуртоведы придерживаются мнения, что послелогои удмуртского языка делятся на две группы: серийные, которые представляют собой застывшие падежные формы имен, и несерийные, которые не образуют серий и, соответственно, в лексико-грамматической системе языка стоят изолированно. Типологически совпадающие с серийными послелогоми постпозитивы финского языка, по мнению финских языковедов, могут принимать формы местных падежей. Другие финские послелогои стоят изолированно и не могут изменяться. В результате проведенного исследования, с учетом типологических особенностей финно-угорских языков и индивидуальных черт удмуртского языка, был сделан вывод: составляющие одну «серию» послелогои удмуртского языка не являются отдельными словами, а выступают в качестве грамматических словоформ одной лексемы, т. е. подобные послелогои могут изменяться, принимать падежные, притяжательные и другие аффиксы.

Ключевые слова: удмуртский язык, финский язык, серийные послелогои, склонение постпозитивов, локальные падежи.

Послелогои удмуртского языка, как и во многих других финно-угорских языках России, подразделены на две группы: серийные и несерийные. Постпозитивы, не имеющие своих «серий», являются изолированными, могут нести различные значения, такие как причинно-следственные, временные, сравнительные и т. д.: *Аслэсьтыз пудоэз но муртъёс утялто бере, малы соли нуналлы быдэ фермае ветлонэз?* [7. С. 75]. ‘Раз даже за ее скотиной чужие ухаживают, зачем тогда ей каждый день ходить на ферму?’ *Монэн йырин озьы луиз* [11. С. 118]. ‘Это из-за меня произошло’. *Экзаменьёс со понна секыт ёз потэ* [18. Инв./Е/8: 72]. ‘Экзамены ему показались несложными’.

Серийные послелогои в основном обозначают локальные отношения, хотя могут выражать и иные, к примеру, темпоральные значения. Отличительной особенностью данных адпозитивов является то, что они всегда составляют определенную серию, члены которой образованы от одной корневой морфемы посредством маркирования производящей основы различными падежными аф-

фиксами. При этом в качестве деривационных суффиксов выступают форманты, которые в иных случаях всегда являются носителями грамматического значения и выполняют релятивные функции. Подобное явление, по мнению большинства исследователей удмуртского языка [см.: 8. С. 89; 1. С. 587; 13. С. 32–33; 22. С. 1962; и др.], становится возможным, поскольку «послелогои характеризуются «окаменевшей» формой, являющейся по происхождению соответствующей формой склоняемого имени» [4. С. 316]: – *Мынам сюрлое вань! – бубиз азе кариськыса, Дыдык вера* [9. С. 26]. – ‘У меня есть серп! – говорит Дыдык, приблизившись к отцу’. *Вордэм нылыд калык азыын ушъяськымон. Визьмо, мусо, ужез яратйсь* [7. С. 14]. ‘Твоя дочь достойна того, чтобы перед людьми хвалиться: умна, мила, работаща’. *Олегов со азысь чигнаса кошкиз* [6. С. 72]. ‘Олегов от него попятился назад’. *Асьсэ корказы азытй орчыкуз йырзэ өз но берыкъя, учкытэк кошкиз* [11. С. 112]. ‘Когда проходил перед своим домом, и головы не повернул, прошел не посмотрев’.

Все эти послелогои (*азе* ‘к’, *азыын* ‘перед’, *азысь* ‘от’, *азытй* ‘перед’) образованы от существительного *азь* ‘перед, фасад, лицевая сторона’, но тем не менее не являются его словоформами, а каждый из них выступает в качестве самостоятельной лексемы. Они вместе с другими «застывшими» формами (*азысен* ‘начиная от (с); у’, *азёзь* ‘до’) образуют серию, поскольку «находятся как бы на промежуточной ступени развития между самостоятельными именами и послелогоами» [4. С. 317–318], вследствие чего еще не полностью утратили связь с существительным, от которого образовались, сохранив его семантический оттенок.

В финском языке исследователи выделяют три группы послелогов: неизменяемые, изменяемые и одиночные формы отдельных слов, используемые в функции постпозитива. Первая группа (*ilman* ‘без’, *kanssa* ‘вместе’, *ohi* ‘через, сквозь’ и т. п.) типологически полностью совпадает с несерийными послелогоами удмуртского языка, поскольку идентичность проявляется и на формальном, и на функциональном уровнях – данные служебные слова, выполняя релятивную функцию, не могут иметь грамматических форм, как и большинство иных незначительных частей речи.

Третью группу составляют послелогои, которые, являясь глагольной либо именной словоформой, только в определенном контекстуальном окружении, претерпев процесс конверсии, выступают в качестве адпозитива: *johtuen* ‘из-за’, *mennessä* ‘по истечении, до наступления’ и т. д.: *Kylmästä keväästä johtuen sesongin alku on siirtynyt huhtikuun alkuun* [24. 25.03.2013]*. ‘Из-за холодной весны начало сезона переместилось на начало апреля’.

В удмуртском языке третья группа послелогов не выделяется, но типологически сходные с финскими постпозитивами служебные слова, образованные, к примеру, от глагольных основ, исследователями рассматриваются. В новой грамматике обозначены следующие отвербальные адпозитивы: *вуйтозь* ‘до’, *луйтозь* ‘до’, *луйса* ‘из-за, вследствие, благодаря’, *шуйса* ‘для, за’ и др. [19. С. 333–334]: *Но тон, пие, со кылылды луйса, олокытчы сюрод* [2. С. 220].

* Все примеры из финского языка использованы с сайта <http://yle.fi/> (здесь и далее приводится дата размещения информации на сайте).

‘А ты, сынок, из-за своего языка попадешь куда не надо’. *Солы шуыса люкай шат мон?..* [11. С. 156] ‘Разве для него я копила [деньги]?..’

Принципиальная разница проявляется при сопоставлении серийных послелогов удмуртского и изменяемых адпозитивов финского языка: согласно мнению удмуртоведов, эта группа постпозитивов не может иметь форм словоизменения; исследователи же финского языка утверждают об обратном и выявляют парадигму склонения (хотя и неполную) этих служебных слов.

Таким образом, послелого финского языка могут принимать формы падежей, обозначающих локальные отношения (максимальное количество словоформ – 6): *edessä* ‘перед’ (инессив), *eteen* ‘до’ (иллатив), *edestä* ‘из’ (элатив), *edellä* ‘перед’ (адессив), *edelle* ‘к’ (аллатив), *edeltä* ‘от’ (аблатив) [21. С. 679]: *Eduskuntatalon edessä on jatkunut pitkään erikoinen mielenilmaus* [24. 23.02.2010]. ‘Перед зданием парламента продолжается уже в течение длительного времени необычная демонстрация’. *Suurimpana odotuksena on pääsy yleisön eteen* [24. 27.01.2012]. ‘Наиболее ожидаемым является выступление перед публикой’.

Некоторые изменяются только по 2–3 падежам, при этом наряду с местными падежами, могут выступать и иные, субъектно-объектные падежи (*luona* ‘у, возле’ (эссив), *luota* ‘от’ (партитив), *luokse* ‘к’ (транслатив)); отдельные постпозитивы имеют только форму одного из падежей: *päin* ‘с; по направлению к’ (интруктив) [21. С. 679]: *Hotellin jouluvieraille riittää aamiainen – muuten syödään sukulaisten luona* [24. 10.12.2012]. ‘Рождественским посетителям гостиниц достаточно завтрака – в иных случаях [они] принимают пищу у родственников’. *Romaani avaa kulttuurin sisältä päin* [24. 30.03.2013]. ‘Роман раскрывает культуру изнутри’.

При этом, следует отметить, подобные послелого не имеют формы именительного падежа [20. С. 28–29]; основа если и присутствует, то только в качестве существительного, и как правило, в составе сложного слова: *takapuoli* ‘задняя часть’.

Наряду с падежными формантами послелого финского языка могут принимать также посессивные аффиксы: *Nyt tämä pelleily minun kanssani loppuu* [24. 21.11.2012]. ‘Теперь (этой) игре со мной – конец’. *Puola ja Belgia ovat suosikkeja meidän kanssa* [24. 16.8.2012]. ‘Польша и Бельгия являются фаворитами наряду с нами’. При этом само имя (существительное, местоимение), стоящее перед постпозитивом, может и выпадать: *Haluatko tulla kanssamme tekemään uudenlaista journalismia?* [24. 03.12.2012]. ‘Хочешь вместе с нами сделать нечто новое в журналистике?’

Серийные послелого удмуртского языка, по мнению большинства исследователей, не могут изменяться. Если сравнивать эти так называемые застывшие формы с финскими постпозитивами, проявляется поразительное типологическое сходство – в обоих языках в составе послелогов отчетливо проявляются падежные маркеры: *Сюрес дурын төдьы кызьпу, / Сое эн кора, атае* [2. С. 62]. ‘У дороги белая береза, / Не руби ее, отец [мой]’. *Ужан дйсьсэс воштыса вуллямтэ, пырак уж дурьсь лыктйллям* [6. С. 68]. ‘Рабочую одежду не успели еще сменить, прямо с работы пришли’. *Мон одйг пол шур дурэ валме люктаны васькисько вал* [10. С. 91]. ‘Однажды я спускался к реке напоить своего коня’. *Оло, огмылы тымет дуртй ортчона?* [14. С. 304]. ‘Может, одному из нас стоит пройти вдоль пруда?’ *Тэль дурьсен сюрес кузя тузон пурзе* [9. С. 39]. ‘[Начиная] от леса по дороге

пыль поднимается'. *Дас вить-кызь минут кустын вуиз ожгарчи бадӟым сюрес дурозь* [18. Инв./D/2: 309]. 'За 15–20 минут дошел солдат до большой дороги'.

Как отмечают удмуртоведы, во всех этих послелогох падежные окончания *-ын* (инессив), *-ысь* (элатив), *-е* (иллатив), *-тій* (пролатив), *-ысен* (эгрессив), *-озь* (терминатив) являются словообразовательными аффиксами; т. е. при образовании подобных лексем грамматическая функция морфемы заменяется деривационной.

По моему мнению, приведенные аффиксы падежей как в сочетании с субстантивными, так и с послеложными основами выполняют одну и ту же функцию – несут реляционное значение и образуют новые грамматические формы слова. Послелог, хотя и относится к служебным частям речи, тем не менее имеет возможность склоняться в удмуртском языке.

Анализируемые постпозитивы существуют только в совокупности грамматических словоформ – у них, как и в финском, отсутствует форма именительного падежа. С. Сааринен, исследуя послеложную систему волжско-финских языков, приходит к выводу, что подобное явление – отсутствие формы номинатива ряда послелогов – присуще всем финно-угорским языкам [23. С. 164]. Выделяющаяся в послеложных формах основа слова внешне совпадает с существительным (ср. *дур-* ↔ *дур* 'край'; *азь-* ↔ *азь* 'перед; передняя часть' и др.), от которого она образовалась. В большинстве случаев такая субстантивная основа уже не используется в языке, а сохранилась только в формах послелогоа: *пӧлын* 'среди', *пӧлысь* 'из', *пӧлы* 'в' и т. д.

Пространственные послелогои, кроме падежной парадигмы, могут иметь также еще и посессивное склонение; М. К. Каракулова и Б. И. Каракулов [8. С. 89] в отношении удмуртского отмечают – «послелогои отыменного образования в своей структуре могут иметь притяжательные аффиксы»: *Жӧк вылам шорем няне но чае луиз ке, тырме...* [2. С. 165]. 'Если на моем столе будет кусок хлеба и чай, мне этого достаточно...' *Тй али син азяды пуктыны уд быгатйське, кыче сюрес тйледыз вите отчы* [12. С. 49]. 'Вы сейчас не можете представить себе (букв. перед своими глазами), какая дорога ожидает вас туда'. *Али мон мынйсько пужым ягысь корка доры, солэн кенер вӧزاز коть сыло* [2. С. 292]. 'Сейчас я иду к дому в сосновом бору, хоть постою у его забора'. Иной раз имя (местоимение), с которым сочетается послелог, может так же, как и в финском, опускаться: *Мар вераз со сыче? – паймыса юаз Герейлэсь вӧزاز сылйсь пересь Мартемьян* [15. С. 132]. '– Что он такое сказал? – спросил, удивившись, старый Мартемьян у стоящего рядом Геря'.

Наряду с лично-притяжательными формантами к послелогам могут примыкать и некоторые другие аффиксы, в частности, суффикс множественного числа *-ос* (*-ёс*), компаративный/модеративный – *-гес* (*-гем*) и др.: *Со ӧз выр сэрэг миськонэн, / Гулбечез, гидэз сузянэн. / Пукылйз укно дурьёсын, / Бергалляз корка шорьёсын*. [18. УД/2001/023/1: 1503–1506]. 'Она не занималась уборкой дома (букв.: не мыла углы), / Не чистила подполье и хлев. / Сидела у окна, / Крутилась

* Многие другие лингвисты также отмечают эту особенность удмуртских послелогов, но все они приходят к выводу, что в подобных случаях лично-притяжательный суффикс выступает в качестве деривационного, и при маркировании им образуется новая лексема – очередная застывшая форма.

по дому'. Со укно доска сьөрүн, гур дорынгес [2. С. 289]. 'Это окно [находится] за доской, поближе к печке'.

В финском языке также встречаются редкие случаи сочетания послелого с суффиксом сравнительной степени *-mpi*: *Torinolainen Juventus on askeleen lähempänä Italian jalkapallomestaruutta haettuaan sunnuntaina 4-0-vierasvoiton Novarasta* [24. 29.04.2012]. 'Туринский Ювентус стал на шаг ближе к победе в чемпионате Италии по футболу, выиграв в воскресенье Новару со счетом 4-0 в выездном матче'.

Проанализировав послелого удмуртского и финского языков, напрашивается вывод – генеалогическое родство и типологическое сходство этих двух языков в поразительной степени проявляется на уровне адпозитивов. В обоих языках послелого подразделяются на две* идентичные группы: неизменяемые и изменяемые. Группу несклоняемых постпозитивов выделяют как исследователи финского, так и удмуртского языков. По мнению большинства удмуртоведов послелого, входящие в другую группу, не изменяются, а являются «серийными». По результатам нашего исследования становится явным, что подобные постпозитивы удмуртского языка могут иметь грамматические формы. Эта особенность, кроме как финскому и удмуртскому, присуща также и многим другим финно-угорским (марийскому [17], волжско-финским [20], хантыйскому [16. С. 143–145] и др.) языкам, что обусловлено их историческим развитием и агглютинативной сущностью. В целом про финно-угорские языки С. Сааринен пишет, что «хотя послелого чаще всего определяют как неизменяемую часть речи, на практике в финно-угорских языках они довольно часто изменяются, во всяком случае, по нескольким падежам, а выражающие пространственные отношения – часто имеют полную парадигму склонения по локальным падежам» [23. С. 163]. Так называемые «серийные послелого» – это следы советского языкознания, поскольку, к примеру, в начале прошлого века в грамматиках и учебниках удмуртского языка отражено мнение, согласно которому послелого могут изменяться по некоторым падежам [3. С. 58–59], а в грамматиках по финскому языку, изданных в середине XX века в России, отмечено: «послелого и предлоги не склоняются. Большинство из них представляют собой застывшие падежные формы имен, главным образом местных падежей» [5. С. 212].

Таким образом, в удмуртском языке так называемые серийные послелого не являются отдельными лексемами, «окаменелыми формами» существительных, а представляют собой разные падежные формы одной лексемы, которая, хотя и не имеет номинативной формы, тем не менее представлена формами большинства локальных падежей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Инв. – журнал «Инвожо»; УД. – газета «Удмурт дунне».

* В финском и удмуртском языках выделяется третья группа послелогов, но они образуются посредством конверсии только при определенном контекстуальном окружении; соответственно, вне контекста подобные лексемы являются иной частью речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алатырев В. И.* Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Под ред. В. М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. С. 561–591.
2. *Валишин Р. Г.* Тӧл гурезь: Повесть, веросьёс, дневникысь люкетъёс, статья / Послесловиез А. Зуева-Измайловалэн. Ижевск: Удмуртия, 2004. 352 б.
3. *Главатских А. И.* Нимберъёс // Удмурт грамматика. Нырисетй люкет: Морфология. Шор ёзо школаын 5 араз дышетскон книга. Ижкар: Кунлэн удмурт книга потгонэз, 1933. 58–59-тй б.
4. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит.; Отв. ред. П. Н. Перовошиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
5. Грамматика финского языка: Фонетика и морфология. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 296 с.
6. *Данилов Г. Д.* Пинал мылкыд – юмал йӧлпыд: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 2005. 148 б.
7. *Загребин Е. Е.* Тулыс зор: Пьесаос, веросьёс / Послесловиез А. Г. Шкляевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1997. 416 с.
8. *Каракулова М. К., Каракулов Б. И.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебн. пособие. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 2001. 227 с.
9. *Кедра Митрей.* Секыт зйбет: Роман, повесть, веросьёс, кылбуръёс, поэма, тодӧ ваён. Ижевск: Удмуртия, 1988. 392 б.
10. *Коновалов М.* Гаян: Романъёс но веросьёс / Азькылэз Ф. К. Ермаковлэн. Ижевск: Удмуртия, 1990. 385 б.
11. *Красильников Г. Д.* Вуж юрт: Дилогия. Ижевск: Удмуртия, 1976. 412 б.
12. *Леонтьев А.* Сюрес усьтйське мынйсьлы: Исторической повесть-легенда. Ижевск: Удмуртия, 1995. 192 б.
13. *Майтинская К. Е.* Служебные слова в финно-угорских языках / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1982. 185 с.
14. *Перовошиков Г. К.* Шелеп: Повестьёс, верос; Жестокосердие: Повести. Трилогия / Пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 2004. 464 с.
15. *Петров М.* Вуж Мултан. Ижевск: Удмуртия, 1977. 351 б.
16. *Ромбандеева Е. И., Вахрушева М. П.* Мансийский язык: Учебное пособие для пед. училищ. Л.: Просвещение, 1984. 2-е изд., перераб. 223 с.
17. *Сибатрова С. С.* Морфологические особенности послелогов в марийском языке // Марийская филология: межвуз. сб. научн. тр. / Мин-во высш. и ср.-спец. образ. РСФСР. Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1986. С. 102–108.
18. Турку–Ижевск корпус [Электронный ресурс]: URL: <http://www.hum.utu.fi/opriaineet/volga/ru/materialy/>.
19. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): науч.-учеб. изд. / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина [и др.]; Росси Федерациясь дышетонъя но тодосъя м-во, ФГБОУ ВПО «Удмурт кун университет», Удмурт кылосбур фак., Удмурт кылъя но сое дышетон амальёсыя каф. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. 406 б.
20. *Alhoniemi, Alho.* Postpositiorakenteiden synkroniaa ja diakroniaa // Sananjalka. № 30. S. 27–44.
21. Iso suomen kielioppi / Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2004. 1698 s.
22. *Rédei (Radanovics), Károly.* Die Postpositionen im Syrjänischen unter berücksichtigung des Wotjakischen. Budapest: Akadémiai kiadó., 1962. 224 S.
23. *Saarinen, Sirkka.* Die Nominalkategorie und das Postpositionssystem der Wolgasprachen // CDIFU. Pars I: Orationes Plenariae. Joshkar-Ola, 2005. S. 161–174.
24. Yle [Электронный ресурс]: URL: <http://yle.fi/>.

D. A. Efremov

Postpositions in Udmurt and Finnish languages

Linguists studying the Udmurt language traditionally divide the postpositions in Udmurt into two main groups according to declination. The postpositions of the first group can be declined in cases as nouns and so form series of postpositions. Respectively, the postpositions of the second group don't form series, i.e. they are undeclinable. According to the Finnish linguistics, the postpositions that are typologically counted in the group of the declinable's, can get the endings of local cases. Other Finnish postpositions do not alter. On the basis of my study on the typological features of different Finno-Ugric languages and some specific features of Udmurt language, I came to the following conclusion. In Udmurt, the postposition forms making up this kind of a series of postpositions, should not be counted as separate, multiple words, but as grammatical forms of a single lexeme. These postpositions are declineable and get case and possessive endings as well as other affixes too.

Keywords: Udmurt language, Finnish language, series of postpositions, declination of postpositions, local cases.

Ефремов Дмитрий Анатольевич,

кандидат филологических наук, доцент,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: dmitjef@mail.ru

Efremov Dmitry Anatolyevich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

The Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1

E-mail: dmitjef@mail.ru